

A romantic couple is shown in a close embrace, about to kiss. The man, on the left, is wearing a dark suit and tie. The woman, on the right, has long, wavy blonde hair and is wearing a dark jacket and jeans. They are standing outdoors at sunset, with a warm, golden light in the background. The text "Брак без согласия" is overlaid in a large, bold, orange font.

Брак без согласия

18+

Фиона Фиона

Брак без согласия

<https://litres.ru/74567332>

SelfPub; 2026

Аннотация

Их знакомство начинается с её неловкого косяка — и его ядовитого хамства, от которого хочется провалиться сквозь землю. Потом — холодный приказ: «Ты станешь моей женой», без права на отказ, без объяснений. Он ломает её привычный мир одним словом.

Она ещё не знает, что такое настоящая власть мужчины — и уж точно не догадывается, как эта власть может обжигать. Но чем яростнее кипит их взаимная ненависть, тем быстрее она переплавляется в безумную, запретную страсть — ту, что сжигает дотла и не оставляет шанса на побег.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	16
Глава 4	27
Глава 5	37
Глава 6	43
Глава 7	48
Глава 8	55

Фиона

Брак без согласия

Глава 1

В три сорок семь утра я поняла, что сейчас упаду. Не в переносном смысле — в самом прямом. Ноги гудели, в глазах двоилось, а судно в руках вдруг стало невероятно тяжёлым. Я привалилась плечом к стене, сделала вдох. Вдох получился сиплым, как у старухи. Не спала двадцать два часа. Смена в клинике, потом кафе, потом снова клиника — потому что Оксана попросила подменить, у неё что-то с матерью, а я не умею говорить «нет», когда у кого-то что-то с матерью. Шла на автомате. Третий этаж, поворот, ещё один пролёт. Лестница служебная, здесь всегда пахнет хлоркой и чем-то металлическим. Лампы горят через одну, экономят. Я знала этот маршрут наизусть — каждую ступеньку, каждую трещинку в кафеле. Ночной санитар — это не профессия, это состояние. Ты ходишь по коридорам, как призрак. Тебя не замечают. Ты не замечаешь себя. В руках — судно. Обычное больничное судно, металлическое, с крышкой. Из-под крышки пахнет. Я не смотрю. Просто несу. Донести до санитарной комнаты, вылить, обработать, вернуть. Обычная процедура. Сто раз делала. Я уже видела впереди дверь на четвёртый этаж — там

санитарная, там примут, и я смогу спуститься в ординаторскую и, может быть, даже поспать двадцать минут на кушетке, пока Галина Павловна не найдёт, чем меня загрузить. Дверь открылась. Я не успела среагировать. Просто не успела — рефлексы спят, когда ты спишь на ходу. Кто-то шагнул навстречу, я дёрнулась в сторону, судно качнулось. Крышка — плохо защёлкнутая, потому что спешила, потому что всегда спешу — соскочила. Содержимое плеснуло вперёд. На мужчину. На его пальто. На его лицо. Я замерла. Судно в руках, пустое уже, только на дне плещется остаток. А передо мной стоит человек — высокий, светловолосый, в тёмном пальто, которое теперь покрыто пятнами. На щеке — капля. На воротнике — разводы. На груди — мокрое пятно, и с него капает. Он не двигается. Секунду. Две. Три. — Извините! — выпаливаю я. — Извините, пожалуйста, я не хотела, я вас не заметила, я спешила, простите, я сейчас... — Ты что, совсем идиотка?! — перебивает он. Голос — как удар. Отскакивает от бетонных стен, бьёт по ушам. — Ты вообще головой думаешь или она у тебя для красоты?! — Я не специально! Честное слово, я... — Фу. — Он смотрит на свои руки, на пальто, на мокрое пятно на груди. — Отвратительно. Ты хоть понимаешь, что ты сейчас сделала? Ты понимаешь, что это такое?! — Я извинилась! Я правда... — Это дерьмо! — орёт он. — Ты вылила на меня дерьмо! Человеческое дерьмо! Ты — тупая, безрукая, никчёмная... — Хватит! — кричу я. Голос срывается. — Хватит орать на меня! Я ведь пыта-

юсь извиниться!— Извиниться?! — Он почти смеётся. Почти. Но это не смех, это что-то злое, как кашель. — Ты пытаешься извиниться? Ты? Да что ты вообще о себе возомнил?! Ты никто! Ты ноль! Ты здесь никто, поняла?! Такие, как ты, должны сидеть дома и не высовываться, а не ходить по клиникам и разливать дерьмо на людей!— Ну хватит уже! — Я кричу в ответ. Слёзы уже близко, я чувствую их, горячие, злые, они подступают к горлу. — Я знаю, что виновата! Я знаю! Но унижать-то зачем?! Я тоже человек! Он открывает рот, чтобы что-то сказать. Но я не слушаю. Я разворачиваюсь. И иду вниз по лестнице. Быстро. Судно в руках. Слёзы на щеках — я их не вытираю, не могу, руки заняты.— Завтра в девять утра! — кричит он вслед. — Кабинет Галины Павловны! Административный корпус! Услышала?! Я не отвечаю. Просто иду. Вниз. К выходу. В темноту. Выбегаю на улицу. Ночь. Холод. Фонарь мигает. Я сажусь на бордюр — прямо в мокрый снег, плевать, — ставлю судно рядом. И вот тут меня накрывает. Слёзы. От злости. От обиды. От усталости. Я плачу, вытираю лицо рукавом, но слёзы всё равно текут. Двадцать два часа без сна. Две работы. Мамины лекарства, которые дорожают каждый месяц. И этот мужик, который орал на меня, как на последнюю тварь. Я сижу, смотрю на судно рядом. Пустое, грязное. И понимаю: завтра в девять утра. Кабинет Галины Павловны. Административный корпус. Это увольнение.

Глава 2

Смена закончилась в семь. Я переоделась, умылась в служебном туалете — холодная вода, серое мыло, бумажные полотенца, которые не впитывают. Посмотрела на себя в зеркало. Двадцать два года, а под глазами — тени. Кроссовки — те самые, с треснувшей подошвой. Волосы собраны в хвост. Форма мятая — спала в ней.

До девяти оставалось два часа. Домой ехать смысла не было — всё равно обратно. Я пошла в ординаторскую. Там никого. Кушетка жёсткая, под голову — свёрнутая куртка. Я легла. Закрыла глаза. Думала, что не усну. Уснула.

Через час меня разбудил телефон — будильник. Я села, потёрла лицо. Голова тяжёлая. В сумке — конспекты. Анатомия. Я учусь в медицинском колледже, на третьем курсе. Завтра зачёт. Я достала тетрадь, села за стол, включила настольную лампу. Буквы расплывались. Я читала, но не понимала. Прочитала абзац, вернулась, перечитала. Бесполезно. Я закрыла тетрадь, убрала в сумку. Всё равно не запомню.

В девять я поднялась на третий этаж административного корпуса. Здесь другой воздух. Не хлорка, а кофе и что-то древесное. Ковролин вместо кафеля. Лампы горят все, ни

одна не мигает. Я шла по коридору и чувствовала, как мои кроссовки оставляют следы на ворсе — не грязные, но всё равно чужие.

Кабинет Галины Павловны — в конце коридора. Дверь тёмная, тяжёлая. Я постучала.

— Входите.

Галина Павловна сидела за столом. Спина прямая, очки на носу, перед ней — папка. Она не предложила сесть. Просто посмотрела на меня поверх очков.

— Соколова. Вчера в три сорок семь утра на чёрной лестнице четвёртого этажа вы допустили нарушение. Пролили биоматериал на сотрудника клиники. Вы понимаете серьёзность?

— Да.

— Нет, не понимаете. — Она сняла очки. — Вы пролили содержимое судна на члена совета директоров. На человека, который владеет этой клиникой.

У меня внутри всё оборвалось. Владелец. Этот человек — владелец.

— Я... я не знала...

— Это не имеет значения. — Галина Павловна закрыла папку. — Соколова, вы работаете у нас полгода. Не на полную ставку. Без официального оформления. Вы понимаете, что я могу вас уволить прямо сейчас, и вы даже не сможете ничего оспорить?

Я кивнула. Горло сжалось.

— Садитесь, — сказала она вдруг.

Я села. Ноги не держали.

— Я не буду вас увольнять.

Я подняла глаза. Не поняла.

— Марк Владимирович... — она сделала паузу, — ...попросил не увольнять вас.

Марк Владимирович. Владелец. Человек, на которого я вылила судно. И он попросил не увольнять.

— Почему? — вырвалось у меня.

Галина Павловна поджала губы.

— Я не спрашивала. И вам не советую. — Она вздохнула.

— Работайте как работали. Но если ещё раз что-то подобное

— вы уходите. Без рекомендаций. Ясно?

— Ясно.

— И ещё. — Она посмотрела на меня внимательно. — Я бы на вашем месте извинилась. Перед ним. Лично. Вы понимаете, о чём я?

— Да.

— Свободны.

Я вышла в коридор. Ковролин, кофе, лампы. Всё то же. Меня не уволили. Но внутри — пустота и звон.

Я шла к лифту. И вдруг остановилась.

В конце коридора, у окна, стоял он. Марк. В другом пальто — тёмно-сером, без пятен. Смотрел на улицу. Потом повернулся. Увидел меня.

Секунду мы просто смотрели друг на друга. Я — в мятой форме, с треснувшей подошвой. Он — в чистом пальто, с ровным пробором. Между нами — десять метров коридора, ковровин, лампы.

Я вспомнила слова Галины Павловны. «Извинилась бы. Лично».

Я подняла голову. Выпрямила спину. И пошла к нему. Ровно. Спокойно. Как будто мне всё равно. Как будто я не спала двадцать два часа. Как будто у меня не трясутся руки.

Остановилась в двух шагах.

— Марк Владимирович, — сказала я. Голос ровный. — Я прошу прощения за вчерашний инцидент. Это вышло случайно. Я не хотела. Но я должна извиниться. Потому что это было неправильно. С моей стороны.

Он смотрел на меня. Молча. Высокомерно. Как на что-то мелкое, что подвернулось под ноги. Не сказал ни слова. Просто смотрел. Долго. Так, что мне захотелось отвести взгляд. Но я не отвела.

А потом он развернулся. И пошёл. К лестнице. Не сказав ни слова.

Я стояла. Смотрела ему в спину. И внутри всё кипело. Он даже не ответил. Даже не кивнул. Просто ушёл.

— А вы не хотите извиниться? — сказала я вслух.

Он остановился. Медленно повернулся.

— Что ты сказала?

— Вы меня оскорбили. Вчера. Кричали. Называли безрукой идиоткой. Никчёмной. Говорили, что я никто и ноль. — Я смотрела ему прямо в глаза. — Я извинилась. Вы — нет. Вы не хотите извиниться за то, что унижали меня?

Он смотрел. Секунду. Две. А потом усмехнулся. Одним углом рта. Холодно.

— Ты серьёзно?

— Вполне.

— Ты вылила на меня дерьмо. На моё лицо. На моё пальто. И ты ждёшь, что я буду извиняться?

— Я не говорю, что вы не имели права злиться. Я говорю,

что вы перешли границу. Оскорбления — это не злость. Это унижение.

— Унижение, — повторил он. Как будто пробовал слово на вкус. — Ты знаешь, что такое унижение, Соколова?

— Знаю. Вчера узнала.

Он шагнул ко мне. Ближе. Я не отступила.

— Я тебя не уволил, — сказал он тихо. — Ты это понимаешь? Я мог. Ты должна была вылететь отсюда вчера. Но я тебя оставил.

— Почему?

— Потому что пожалел.

Я замерла. Вот оно. Пожалел.

— Галина Павловна мне рассказала, — продолжил он. — Про твою мать. Про то, что ты одна. Про то, что ты работаешь на двух работах и учишься. Бедная девочка. Тяжело живётся. Я решил — пусть остаётся. Пусть работает. Мне не жалко.

— Мне не нужна ваша жалость, — сказала я. Голос ровный. Но внутри всё горело. — Мне не нужны подачки. Мне нужны извинения. Я перед вами извинилась. Извинитесь и вы.

— За что?

— За то, что оскорбляли меня. За то, что кричали. За то, что называли никчёмной. Я человек. И я не заслужила такого обращения. Даже если вылила на вас дерьмо. Это было случайно. А ваши слова — нет.

Он смотрел на меня. Долго. Как вчера — в конце лестницы. Изучающе. Как будто я — что-то, что он не ожидал здесь найти.

— Знаешь что, Соколова? — сказал он наконец. — Ты уволена.

Я замерла.

— Что?

— Уволена. Прямо сейчас. Иди в отдел кадров. Получишь расчёт.

— Да и пожалуйста, — сказала я.

Слова вылетели сами. Раньше, чем я успела подумать. Я стояла, смотрела на него — и улыбалась. Зло. Устало. Мне было плевать. Плевать на всё.

Он смотрел на меня. Секунду. Две. Три.

А потом развернулся. И пошёл. К лестнице. Шаги — ровные, спокойные. Как будто ничего не случилось. Как будто он только что не раздавил меня.

А я стояла. Смотрела ему вслед. И думала: ну и ладно. Найду другую работу. Я всегда находила.

Глава 3

Домой я добралась к одиннадцати.

Автобус, потом пешком через дворы. Комната в Люберцах. Восемь квадратов, кровать, стол, шкаф. Общая кухня с соседями. Я сняла кроссовки, бросила сумку у порога, дошла до кровати и упала. Даже не переоделась. Просто вырубилась.

Проснулась в пять. Темно. За окном — фонарь, светит прямо в комнату, шторы не помогают. Я лежала и смотрела в потолок. Трещина. Знакомая до последней линии.

Уволили. Ну и ладно. В шесть смена в кафе. Надо собираться.

Я встала. Умылась. Одеюсь. Вышла.

В кафе былолюдно. Вечер пятницы, музыка, гул голосов. Я надела фартук, встала за стойку. Оксана уже там — наливают кому-то пиво, улыбается. Она всегда улыбается. Даже

когда устала.

— О, — сказала она, увидев меня. — Явилась. Как дела?

— Нормально.

— Нормально — это когда всё хорошо. А у тебя что?

Я протёрла стойку. Сказала, не поднимая глаз:

— Уволили.

Оксана замерла с бутылкой в руке.

— Что?

— Уволили. Из клиники.

— За что?!

— Судно разлила. На главного. Случайно.

— На главного?

— На владельца. На этого... грёбаного Марка Котова.

Оксана замерла.

— Марк Котов?

— Да. Владелец «Меридиан». Ты знаешь его?

— Знаю? — Оксана усмехнулась. — Да его весь интернет знает. Погоди.

Она достала телефон. Что-то там поискала. Протянула мне.

На фото — он. Марк. В костюме, на каком-то приёме. Стоит с бокалом, смотрит в камеру. Холодный. Ровный. Тот же взгляд — серые глаза, сжатая челюсть. Как вчера. Как сегодня.

Под фото — подпись: «Марк Котов, владелец сети клиник „Меридиан“». И дальше — текст. Много текста. Сеть клиник. Миллиарды. Отец — Владимир Сергеевич. Что-то про совет директоров. Я не читала. Я смотрела на лицо.

Вот кто кричал на меня вчера. Вот кто называл меня безрукой идиоткой. Вот кто уволил меня сегодня. Холодный. Расчётливый. Человек, который владеет всем этим.

— Мда, — сказала Оксана. — Ну ты даёшь.

Я вернула телефон.

— Ну и чёрт с ним, — сказала она. — Найдёшь другую. Ты не пропадёшь.

— Не пропаду.

Я протёрла стойку. Ещё раз. И ещё. Как будто это могло что-то стереть. Усталость. Обиду. Злость.

И тут звякнул колокольчик над дверью.

Я подняла голову.

Никита.

Он заходил сюда давно. Месяца три, наверное. Каждый вечер — примерно в одно и то же время. Заказывал кофе. Садился за стойку. Смотрел на меня. Улыбался. Тёплая, ленивая улыбка — как будто он никуда не спешит. Низкий голос, бархатный. Он всегда говорил со мной мягко. Как будто мы знакомы давно.

Он мне нравился. Но не как мужчина. Просто — приятный. Спокойный. Не давит. Не флиртует в открытую. Просто сидит. Просто улыбается. Просто спрашивает, как день.

И каждый раз приглашал куда-то. То в кино. То просто на кофе. То «погулять». Я всегда отказывалась. Учёба. Работы. Мама. Некогда. Он не обижался. Просто кивал. И приходил снова.

Сегодня он зашёл. Сел за стойку. Расстегнул куртку. Посмотрел на меня.

— Тяжёлый день? — спросил он.

Я кивнула. Не стала врать.

— Бывает, — сказал он. — Мне тоже сегодня не очень.

Он не спросил, что случилось. Не стал лезть. Просто заказал кофе. Сидел. Молчал. Иногда смотрел на меня. Я чувствовала этот взгляд — тёплый, спокойный. Не тяжёлый. Не как у Марка. Другой.

Он допил кофе. Встал. Достал бумажник. Положил на стойку деньги. И — салфетку. На салфетке — номер. Написан ручкой. Ровно. Красиво.

— Если вдруг захочешь, — сказал он. — Просто кофе. Без ничего. Я не тороплю.

Он улыбнулся. И вышел. Колокольчик звякнул.

Я смотрела на салфетку. На номер. Потом на дверь. Потом снова на салфетку.

Оксана подошла. Встала рядом. Посмотрела на салфетку. Потом на меня.

— Ну, — сказала она. — Он на тебя смотрит. Давно уже.

— Знаю.

— Нормальный мужик. Не то что эти... — она махнула рукой в сторону улицы, — ...в костюмах.

— Знаю.

— Дай ему шанс.

Я молчала. Смотрела на номер. Ровные цифры. Красивые. Как будто он старался.

— Один раз, — сказала Оксана. — Просто кофе. Что ты теряешь?

Я вздохнула. Взяла салфетку. Сложила. Убрала в карман фартука.

— Мне не до этого, — сказала я.

— Знаю, — сказала Оксана. — Но всё равно. Подумай.

Я не ответила. Взяла поднос. Два капучино, один латте. Столик у окна. Я шла, глядя под ноги — в мыслях. Салфетка в кармане. Номер. Ровные цифры. Уволили. Марк Котов. Всё это крутилось в голове, как в стиральной машине.

Я не заметила, как дверь открылась. Не заметила, как кто-то вошёл. Не заметила, как этот кто-то шагнул прямо на меня.

— Осторож...

Поздно.

Я врезалась. Поднос качнулся. Чашки полетели. Кофе — горячий, тёмный, с пенкой — выплеснулся вперёд.

На пальто.

На рубашку.

На лицо.

Я замерла. Поднос в руках, пустой. Чашки на полу. Кофе растекается по плитке. А передо мной стоит человек — высокий, светловолосый. В тёмно-сером пальто, которое теперь покрыто пятнами.

И я узнаю его раньше, чем он поднимает голову.

Пальто. Плечи. Осанка. Всё это я видела вчера. И сегодня. В коридоре. У окна.

Ужас. Холодный, липкий. От затылка к пяткам.

Он поднимает голову. Медленно. Сначала — только глаза. Серые. Светлые. И в них — узнавание.

— Да чтоб тебя, — говорит он. Тихо. Почти шёпотом. — Опять ты?

Я открываю рот. Ни звука.

— Ты что, следишь за мной?! — орёт он. Голос — как удар. Отскакивает от стен, бьёт по ушам. — Ты меня преследуешь?! Специально, да?! Вчера — на лестнице! Сегодня — здесь! Ты что, решила мне жизнь испортить?!

— Я не специально! — кричу я в ответ. — Я вас не видела! Вы вошли, я шла, я не...

— Ты не смотришь, куда идёшь! — орёт он. — Ты вообще никогда не смотришь, куда идёшь! Ты хоть понимаешь, что это уже система?! Вчера — одно! Сегодня — другое! Что дальше, Соколова?! Кровь?! Кислота?! Ты мне мстить решила?!

— Да за что мне вам мстить?! Вы меня уволили! Вы меня унизили! Вы...

— Я тебя унизил?! — Он тычет пальцем в пятно на пальто. — Это ты меня унижаешь! Второй день подряд! На глазах у людей! Ты вообще нормальная или тебя лечить надо?!

— Да пошло оно всё! — Я бросаю поднос на стойку. Руки трясутся. — Вы вообще нормальный?! Вы вчера меня оскорбляли, уволили, а теперь пришли сюда и орёте на меня, как будто это я вас сюда позвала!

— Администратора! — орёт он. — Живо!

Оксана уже бежит — я вижу краем глаза, как она выскакивает из-за стойки, как машет кому-то в зал. Администратор — женщина в белой блузке, лет сорока — появляется откуда-то сбоку.

— Что здесь происходит?

— Ваша работница, — Марк кивает на меня, — только что вылила на меня кофе. Вчера она вылила на меня. Неважно что. Сегодня — кофе. Я не понимаю, что у вас здесь за персонал, но это уже второй раз за два дня!

Администратор бледнеет.

— Извините, пожалуйста, — говорит она. — Это случайность, я уверена. Мы сейчас всё уладим. Комплимент от повара, десерт, что угодно...

— Не надо мне ничего! — обрывает Марк. — Я не за десертом пришёл! — Он поправляет пальто. Пятна не исчезают. — В мой вам совет. Увольняйте этих безруких. Иначе я перестану сюда ходить. И всем расскажу, почему.

Он разворачивается. И выходит. Колокольчик звякает.

Тишина. Я стою с подносом. Чашки на полу. Кофе растекается. Администратор смотрит на меня. Не зло. Устало.

— Вика, — говорит она. — Всё в порядке. Ты не виновата. Я видела — он вошёл и встал прямо у тебя на пути. Но давай... соберись, хорошо? День тяжёлый. Иди умойся.

Она уходит. Оксана подбегает. Что-то говорит. Я не слышу. Я смотрю на дверь. На колокольчик. Он ещё качается. Чуть-чуть.

Я стою. Поднос в руках. Чашки на полу. Кофе на плитке.

Так. Вика. Соберись.

Я наклоняюсь. Собираю чашки. Вытираю кофе. Оксана помогает. Молча. Мы всё делаем молча.

А в голове — одно.

Блин. Опять этот Котов.

Чёртов Котов.

Глава 4

В воскресенье я проснулась в полдень.

Не от будильника. Просто открыла глаза — и всё. Свет из окна, фонарь уже не горит, за окном серое небо. Я лежала. Смотрела в потолок. Трещина. Всё та же.

Я никуда не торопилась. Впервые за долгое время. Воскресенье — выходной. Полноценный. Не надо в кафе. Не надо в клинику. Не надо никуда.

Я лежала и думала.

Из клиники уволили. Кафе пока на месте — администратор сказала «соберись». Но кто знает, что будет завтра. Может, этот Котов опять придёт. Может, всё.

Я села на кровати. Обхватила колени. Уставилась в стену.

Что-то у меня всё пошло наперекосяк. Всё. Сразу. Как будто кто-то сверху взял и перевернул. Я работала, училась, тянула, не жаловалась. А потом — бам. Судно на владельца. Кофе на него же. Дважды. И теперь я сижу в комнате в Люберцах и не знаю, что будет завтра.

Может, Оксана права?

Она сказала — дай ему шанс. Просто кофе. Просто расслабиться. Просто почувствовать что-то, кроме усталости. Может, и правда. Может, мне надо просто выйти. Побывать с кем-то. Не думать. Хоть на час.

Я взяла телефон. Салфетка лежала на столе — я достала её из кармана вчера, положила. Номер. Ровные цифры. Красивые.

Я набрала. Долго смотрела на экран. Потом нажала «позвонить».

Он ответил после второго гудка.

— Да?

Голос низкий, бархатный. Тот же. Тёплый.

— Это Вика. Из кафе.

Пауза. Потом — улыбка в голосе.

— Вика. Привет.

— Привет.

— Ты всё-таки позвонила.

— Ну... да.

— Я рад. — Он не давил. Не спрашивал, почему так долго. Не говорил «наконец-то». Просто — рад. — Как ты?

— Нормально.

— Врёшь?

Я усмехнулась. Впервые за два дня.

— Вру.

— Бывает, — сказал он. — Слушай, у меня предложение. Сегодня воскресенье. У тебя выходной?

— Выходной.

— Давай встретимся. Просто кофе. Или погуляем. Как хочешь. Без ничего. Просто побудем вместе.

Я молчала. Смотрела в стену. Потом сказала:

— Давай.

— Отлично. Я за тобой заеду. Продиктуй адрес.

— Нет, не нужно. Давай встретимся в парке Горького.

— Хорошо. Во сколько?

— В два.

— В два. — Пауза. — Вика.

— Что?

— Я рад, что ты позвонила.

— Я тоже, — сказала я. И удивилась, что это правда.

В два он стоял у входа в парк.

Я пришла пешком — от метро. Увидела его издалека. Стоит, руки в карманах, смотрит по сторонам. Увидел меня. Улыбнулся. Тёплая, ленивая улыбка. Как всегда.

— Привет, — сказал он.

— Привет.

— Выглядишь уставшей.

— Спасибо.

Он засмеялся. Легко. Не обидно.

— Пойдём? Тут недалеко есть кафе. Нормально?

— Нормально.

Мы зашли в кафе — небольшое, уютное, на углу парка. Сели у окна. Он заказал кофе и пирожное. Мне тоже. Я не стала отказываться.

— Расскажешь? — спросил он. Не настойчиво. Просто — если хочешь.

— Уволили, — сказала я.

— Уволили? Откуда?

— Из клиники. Я ночным санитаром работала. В «Мери-

диан».

Он не поморщился. Не сказал «ничего себе». Просто кивнул.

— «Меридиан»? Элитная.

— Ага. — Я усмехнулась. — И дорогая.

— Тяжело?

— Тяжело.

— Из-за чего уволили?

— Судно разлила. На владельца клиники. И кофе на него же. В кафе. Дважды. За два дня.

Он замер. Потом засмеялся. Негромко.

— Ты серьёзно?

— Серьёзно.

— На одного и того же?

— На одного и того же.

— Судно и кофе?

— Судно и кофе.

Он покачал головой.

— Ну ты даёшь.

— Знаю.

— Это... — он искал слово, — ...впечатляет.

— Спасибо.

— Я серьёзно. Так умудриться. Дважды. На одного человека. Это надо уметь.

Я усмехнулась. Впервые за долгое время — искренне.

— Он так не считает.

— Он?

— Владелец. Котов. Марк Котов.

— Марк Котов? — Он нахмурился. — Это который сеть клиник?

— Да. Ты знаешь его?

— Слышал, — сказал он. — Все слышали. Холодный, жёсткий. Говорят, с ним лучше не связываться.

— Уже связалась, — сказала я. — Дважды.

Он засмеялся. Я тоже. Мы просидели в кафе, наверное, час. Говорили обо всём — ни о чём. О том, как он в детстве хотел стать лётчиком, а стал кем стал. О том, как я в четырнадцать впервые пошла работать. Он не жалел. Не ахал. Просто слушал. Иногда кивал. Иногда что-то говорил. Мне было легко. Впервые за долгое время — легко.

Он мне даже начал нравиться. Не как мужчина. Просто — человек. Хороший. Тёплый. Не давит. Не лезет. Просто рядом.

Потом мы пошли гулять. По аллеям, по мокрым дорожкам, мимо пруда. Он рассказывал что-то смешное. Я смеялась. Настоящим смехом — не дежурным. Я и забыла, что так умею.

Стало темнеть. Он посмотрел на часы.

— Тебе пора? — спросил он.

— Пора.

— Я тебя провожу.

— Не нужно, — сказала я. — Просто до метро.

Он кивнул. Не стал спорить. Мы пошли к метро. Молча. Хорошо молча. У входа он остановился.

— Спасибо, — сказал он. — Хороший день.

— Хороший, — сказала я. И удивилась, что это правда.

Он шагнул ко мне. Обнял. Я замерла. Потом он отстранился — чуть-чуть. И наклонился. Хотел поцеловать.

Я отвернулась. Подставила щёку.

Он не обиделся. Поцеловал в щёку. Улыбнулся.

— Позвони, — сказал он. — Если захочешь.

— Позвоню, — сказала я. И не соврала.

Он ушёл. Я стояла у метро. Смотрела ему вслед. Потом спустилась в подземку. Доехала до Люберец. Зашла в комнату. Легла на кровать. Уставилась в потолок.

Трещина. Всё та же.

Я ничего не испытывала. Ничего. Просто было хорошо. Просто было тепло. Просто кто-то был рядом.

А потом вспомнила — Котов. Серые глаза. Сжатая челюсть. «Опять ты?»

Я перевернулась на бок. Закрыла глаза.

Никита. Никита хороший. Никита тёплый. Никита не орёт.

Я заснула.

Глава 5

Месяц прошёл спокойно.

На удивление. Я думала, будет хуже. Думала, Котов опять появится. Думала, из кафе попрут. Думала, всё развалится.

Не развалилось.

В кафе я осталась. Администратор больше не вспоминала тот вечер. Оксана иногда косилась — «ну что, позвонила?» — я кивала. Она улыбалась. Больше не спрашивала.

А я звонила. Иногда. Не каждый день. Но звонила. И мы встречались.

Сначала — редко. Раз в неделю. Потом чаще. Он не давил. Не торопил. Просто был рядом. Писал иногда — «как дела?», «не устала?», «может, кофе?». Я отвечала. Иногда соглашалась. Иногда нет. Он не обижался.

Он стал мне приятен.

Не то чтобы я что-то чувствовала. Нет. Ничего такого. Просто — хорошо. Спокойно. Он не орал. Не унижал. Не

смотрел свысока. Просто сидел рядом. Говорил. Слушал. Улыбался.

Иногда он заезжал за мной. Я сказала адрес — сама не заметила как. Просто в один из дней он спросил, и я сказала. Он приехал. На своей серой машине. У подъезда. Я вышла. Он открыл дверь. Мы поехали.

Я не думала, что это что-то значит. Просто — удобно. Просто — приятно.

В один из вечеров он провожал меня до подъезда. Мы стояли. Молчали. Он смотрел на меня. Долго. Потом наклонился.

И поцеловал.

В губы. Не в щёку. По-настоящему. Я не отстранилась. Не ответила. Просто стояла. А потом — ответила. Немного. Чуть-чуть. Он отстранился. Улыбнулся.

— Спасибо, — сказал он.

— За что?

— За то, что не оттолкнула.

Я не знала, что сказать. Просто кивнула. Он ушёл. Я под-
нялась. Легла. Смотрела в потолок.

Ничего. Опять ничего. Не было искры. Не было бабочек.
Не было ничего. Просто — тепло. Просто — хорошо. Просто
— кто-то рядом.

Я не знала, люблю ли его. Не знала, нравится ли он мне
как мужчина. Знала только, что с ним спокойно. И что это,
наверное, лучше, чем ничего.

Он рассказывал о себе мало.

Управляющий сетью аптек — вот и всё, что я знала. Сеть
большая. Не его. Он просто управляет. Наёмный. Работает
давно. Хорошо зарабатывает. Не миллионер. Но и не бед-
ный.

Меня это удивило. Я думала — если человек управляет
сетью аптек, он должен быть другим. Жёстким. Холодным.
Как Котов. А Никита был тёплым. Мягким. Улыбался. Го-
ворил тихо.

— Странно, — сказала я однажды.

— Что?

— Ты. Такой... хороший. И с деньгами.

Он засмеялся.

— А что, хорошие люди не могут зарабатывать?

— Могут. Просто... — Я пожала плечами. — Обычно наоборот. Чем больше денег, тем меньше человечности.

— Это стереотип.

— Знаю. Но у меня опыт.

Он не спросил, какой. Просто кивнул. Взял меня за руку. Сжал.

— Я не такой, — сказал он. — Обещаю.

Я поверила. Почему-то поверила.

Он сказал, что разведён.

Один раз. Коротко. Без подробностей.

— Была жена, — сказал он. — Давно. Разошлись.

— Почему?

— По-разному. Не сошлись.

Я не стала давить. Не стала расспрашивать. Мало ли. У всех прошлое. У меня тоже.

Но что-то меня смущало. Не в разводе. В том, как он об этом говорил. Слишком коротко. Слишком гладко. Как будто он это отрепетировал. Как будто он рассказывал не свою жизнь, а чужую историю. Которая должна звучать правдоподобно.

Он вообще мало рассказывал о себе. О работе — вскользь. О прошлом — общими словами. О семье — вообще ничего. Я не знала, есть ли у него родители. Братья. Сёстры. Ничего.

— Ты не любишь говорить о себе, — сказала я однажды.

— Не люблю.

— Почему?

— Нечего рассказывать. — Он улыбнулся. — Скучная жизнь.

Я не стала спорить. Но внутри что-то царапнуло. Слишком мало. Слишком мало для человека, с которым мы встречаемся уже месяц.

Но я не придавала значения. Мало ли. Может, у него травма. Может, детство тяжёлое. Может, просто закрытый человек. У меня тоже не всё открыто. У меня отец ушёл. Я об этом не рассказываю. Никому. Даже Оксане.

Так что — я понимала.

Или думала, что понимаю.

Глава 6

Я никогда ему не доверял.

С первого дня. С того самого ужина, когда Алина привела его знакомиться. Никита улыбался, говорил комплименты, целовал ей руку. Идеальный. Слишком идеальный. Как будто репетировал. Как будто играл роль.

Я тогда подумал — может, просто ревную. Сестра выходит замуж. Бывает. Я не стал копать. Дал ему шанс. Сделал его территориальным управляющим сети аптек — не потому что он просил, а потому что Алина попросила. «Марк, он хороший, он старается, помоги ему». Я помог. Зарплата выше рынка. Условия идеальные. Квартира — я оплатил первый взнос. Машина — я дал денег. Всё для сестры. Всё для того, чтобы она была счастлива.

Он был счастлив. Улыбался. Благодарил. Потом перестал. Привык. Начал воспринимать как должное. Как будто так и надо. Как будто он заслужил.

Я не обращал внимания. Сестра счастлива — остальное неважно.

А месяц назад я приехал к ним. Просто так. Завез Алине фрукты — она беременна, ей нельзя ничего тяжёлого. Никита пришёл с работы. Поздно. Поцеловал Алину в щёку. Сел за стол. И я почувствовал.

Духи.

Еле слышно. Женские. Не Алинины. У Алины другие — лёгкие, цветочные. А эти — тяжёлые, сладкие. Как из ночного клуба.

Алина ничего не заметила. Она вообще ничего не замечает. Она смотрит на него влюблёнными глазами и не видит дальше своего носа. Если у него из кармана выпадут женские трусы, она поверит, что это подарок для неё. Он может сказать что угодно — она поверит. Она такая. Всегда была такой. Слишком добрая. Слишком доверчивая.

Я тогда ничего не сказал. Уехал. Но внутри что-то щёлкнуло. Как замок.

Я не стал нанимать проверку. Не стал копать. Я просто решил проследить. Сам. Посмотреть, есть ли у него кто-то.

Я следил неделю. Ничего. Работа, дом, работа. Иногда — кафе. Обычное кафе на Садовой. Заходил, сидел, уходил.

Ничего особенного.

А потом я увидел её.

Соколову.

Она стояла за стойкой. В фартуке. С подносом. Он сидел перед ней. Улыбался. Она улыбалась. Наклонялась. Он что-то говорил. Она смеялась. Он взял её за руку.

Я смотрел из машины. Через стекло. Долго. Очень долго.

Потом я стал следить дальше. День. Два. Неделю. Он встречался только с ней. Только с Соколовой. Я понял — это и есть его любовница. Одна. Эта.

Я сидел в машине и смотрел на неё. На её кроссовки. Треснувшая подошва. Я помню эти кроссовки. Помню, как она стояла в них в коридоре. Помню, как она говорила: «Мне не нужна ваша жалость». Гордая. Независимая. А теперь — спит с моим зятем. С женатым.

Она не выглядит как девушка, которая... продаётся. Нет дорогих сумок. Нет красивой обуви. Нет ничего. Просто — уставшая девчонка в треснувших кроссовках.

Я понимаю. Мать больна. Лекарства. Учёба. Две работы. Тяжело. Всё понимаю. Молодец, что тянет. Молодец, что не сдалась. Но зачем ради этого лезть в чужой брак? Зачем разрушать семью? Зачем?

Алина. Она беременна. Шесть месяцев. Она ждёт ребёнка. Она любит его. Она думает, что он её любит. Она готовит ему ужины. Гладит рубашки. Ждёт с работы. А он... он тратит деньги на эту.

Я вспомнил, как Алина спрашивала. Месяц назад. Два. «Марк, а с компанией всё нормально? Почему Никите задерживают деньги?» Я тогда не понял. Думал — бухгалтерия. Проверил — всё в порядке. Деньги уходят. Вовремя. На счёт Никиты. А он их... тратит. На неё. На Соколову.

Я сидел в машине. Смотрел, как он целует её на прощание. Как она улыбается. Как он уходит. Как она стоит и смотрит ему вслед.

С женатым спать. Ради денег. Разрушать чужой брак. Это низко. Это мерзко. Это фу.

А Алина... Алина ничего не знает. Она сидит дома. Ждёт. Готовит. Верит. Она даже не представляет, что её муж — вот здесь. С этой. Что он целует её. Что он тратит на неё деньги.

Что он...

Я завёл машину. Поехал домой. Всю дорогу молчал. Смотрел на дорогу. И думал.

Значит, любишь деньги. Готова ради них уничтожить брак. Разрушить семью. Сестру мою. Ребёнка. Всё.

Ну что ж.

Я тебе устрою райскую жизнь.

Глава 7

Прошёл месяц. Я работала в кафе, училась, искала новую работу. Каждый день — объявления, обзвоны, резюме. Везде одно и то же — «мы вам перезвоним». И тишина.

А потом позвонила Галина Павловна.

Я не ждала. Уже почти забыла про клинику. Про Котова. Про всё.

— Соколова? Это Галина Павловна.

Я замерла.

— Здравствуйте.

— Не «здравствуйте». Слушай. Есть работа. В другой клинике. Знакомые ищут сотрудницу. Я порекомендовала тебя. Хорошая должность. Санитар, но с перспективой. Медсестрой. После учёбы.

Я села на кровать. Руки затряслись.

— Правда?

— Правда. Завтра в одиннадцать. Собеседование. Адрес скину.

— Спасибо. Спасибо вам огромное.

— Не благодари. Просто не подведи. — Пауза. — И это...
Соколова.

— Да?

— Удачи.

Она положила трубку. Я сидела. Смотрела на телефон. Улыбалась.

Работа. В клинике. Медсестрой. После учёбы.

Завтра. В одиннадцать.

Адрес был странный.

Не клиника. Не медицинский центр. Какой-то бизнес-центр. Дорогой. Стеклопакетные двери, мрамор, охрана. Я

стояла у входа и не понимала. Может, ошиблась?

Я достала телефон. Перечитала. Нет, всё верно. Этот адрес. И время. Одиннадцать.

Галина Павловна предупредила — собеседование будет в необычном месте. Не в самой клинике. Что-то связанное с администрацией. Я не стала спрашивать.

Но волновалась. Дорогое помещение. Стекло. Мрамор. Люди в костюмах. Я в своей куртке, в кроссовках с треснувшей подошвой.

Я зашла. Девушка на ресепшене — ухоженная, в белой блузке — подняла глаза.

— Вы на собеседование?

— Да. Соколова. Виктория.

Она посмотрела в планшет.

— Да, вас ожидают. Проходите. Второй этаж. Кабинет четыреста один.

— Спасибо.

Я пошла к лифту. Сердце колотилось. Руки тряслись.

Я поднялась на второй этаж. Коридор. Двери. Четыреста один. Я остановилась. Вдохнула. Выдохнула. Постучала.

— Входите.

Голос низкий. Ровный. Что-то знакомое. Но я не поняла. Не успела.

Я открыла дверь.

Кабинет был большой. Светлый. Окно во всю стену. Стол. Кресла. Он стоял у окна. Спиной. Высокий. Светлые волосы. Плечи. Осанка.

Что-то знакомое. Что-то... Я замерла. Сердце пропустило удар.

Он повернулся.

Медленно. Серые глаза. Сжатая челюсть. Тот же взгляд.

Котов.

— Вы? — вырвалось у меня.

Он не ответил. Просто смотрел. Потом шагнул. Медленно. Ко мне. Я стояла. Не могла двинуться. Он прошёл мимо меня — близко. Я почувствовала запах. Дорогие духи. Древесные. Холодные.

Он зашёл мне за спину. Я услышала щелчок. Замок.

Он закрыл дверь.

На ключ.

— Что вы делаете? — Голос сорвался. — Зачем вы закрыли дверь?

Он не ответил. Прошёл к столу. Сел. В кресло. Напротив — второе кресло. Пустое. Для меня.

— Садись, — сказал он.

— Что? Нет. Откройте дверь. Я не...

— Сядь.

— Вы... вы не имеете права! Откройте дверь! Я буду кричать!

Он смотрел. Молча.

Я рванула к двери. Дёрнула ручку. Заперто. Я начала бить по двери. Кулаками. Кричать.

— Откройте! Помогите! Кто-нибудь!

Никто не пришёл. Коридор был пустой. Тихий.

Я слышала, как он встал. Шаги. Он подошёл. Сзади. Взял меня за руку — грубо, сильно. Я вскрикнула. Он развернул меня. И толкнул. Я упала в кресло. Перед столом.

Он наклонился. Прямо к лицу. Так близко, что я видела каждую ресницу.

— Я сказал — села. — Голос тихий. Ровный. Опасный. — Только попробуй встать.

Я замерла. Не могла дышать.

Он выпрямился. Медленно. Обогнул стол. Сел напротив. Смотрел на меня. Долго. Очень долго.

Я сидела. В кресле. В кабинете. Запертая. С ним. Наедине.

И не знала, что будет дальше.

Глава 8

Он молчал.

Секунду. Две. Три. Просто смотрел на меня. Серые глаза. Ни эмоции. Ни движения. Я сидела в кресле. Не могла пошевелиться. Руки тряслись. Я сжала их в кулаки. Чтобы не было видно.

Потом он заговорил.

— У меня к тебе деловое предложение.

Я смотрела. Не понимала.

— Я оплачу лечение твоей матери. Полностью. Всё, что нужно. Лекарства, физиотерапия, сиделка. Всё. Я оплачу твою учёбу. До конца. Я решу все твои проблемы. Долги, комната, работа. Всё. Ты больше никогда ни в чём не будешь нуждаться.

Я замерла. Внутри всё сжалось. Он сумасшедший. Или я. Или всё это сон.

— Что? — вырвалось у меня.

— Ты слышала.

— Вы... вы предлагаете мне что-то нелегальное? Или неприличное? За это?

Он усмехнулся. Одним углом рта. Холодно.

— А что, такие, как ты, готовы и на такое?

Я вскочила. Внутри всё вспыхнуло. Больно. Обидно. Зло.

— Да пошли вы! — крикнула я. — Я не продаюсь! Ни за какие деньги! Откройте дверь! Я уйду!

Я рванула к двери. Он встал. Быстро. Перехватил меня. Схватил за плечи. Сильно. Грубо. Так, что стало больно. Развернул к себе. Притянул. Близко. Так, что я чувствовала его дыхание.

— Заткнись, — сказал он. Тихо. Зло. — И выслушай.

Я дёрнулась. Он сжал сильнее.

— Тебе нужно выйти за меня замуж. Фиктивно. Ты будешь играть роль жены. Счастливой жены. Улыбаться, когда

надо. Молчать, когда надо. Присутствовать, когда надо. Это всё. Никаких отношений. Никакого секса. Никакой любви. Просто роль. Год. Один год. Потом — развод. И ты свободна. С деньгами. С решёнными проблемами.

Я смотрела на него. В ужасе. Он сумасшедший. Он точно сумасшедший.

— Вы... вы ненормальный, — прошептала я. — Вы с ума сошли. Вы предлагаете мне... брак? Фиктивный брак? Вы меня не знаете. Я вас не знаю. Вы... вы угрожаете мне? Вы серьёзно?

— Абсолютно.

— Зачем? — Я почти кричала. — Зачем вам это? Я никто. Я ночной санитар. Я никто. У меня ничего нет. Что вам от меня нужно?!

— Это тебя не касается.

— Не касается?! — Я рванулась. Он не отпустил. — Вы предлагаете мне выйти за вас замуж, но это меня не касается?! Вы сумасшедший! Отпустите меня!

Он дёрнул меня. Резко. Подтолкнул к креслу. Я упала. Он

навис. Потом отстранился. Сел на край стола. Передо мной. Так, что наши лица были на одном уровне. Близко. Слишком близко.

— Если ты откажешься, — сказал он. Тихо. Ровно. — Твоя мать больше не получит лечения. Никакого. Я сделаю так, что её не примет ни одна клиника. Ей не продадут лекарства. Ни одна аптека. Ты понимаешь, о чём я?

Я смотрела. Не могла дышать.

— Вы... вы не можете...

— Могу. — Он смотрел прямо в глаза. — Я владею сетью клиник. Я владею сетью аптек. Я владею всем. Ты думаешь, я шучу?

Он не шутил. Я это видела. По глазам. По лицу.

Я заплакала. Не хотела. Не могла сдержаться. Слезы текли сами. Горячие. Злые.

— За что? — прошептала я. — За что вы так со мной? Что я вам сделала? Я вас не трогала. Я просто работала. Я просто жила. За что?

— Это тебя не касается.

— Не касается... — Я всхлипнула. — Вы... вы чудовище.

— Возможно. — Он встал. Посмотрел на часы. — Сейчас мы едем в ЗАГС.

Я замерла.

— Что?

— В ЗАГС. Нас распишут на месте. Всё уже готово.

— Вы... вы серьёзно? — Я встала. Ноги не держали. — Прямо сейчас? Вы... вы не можете. Так нельзя. Так не...

— Я сказал — всё готово. — Он шагнул ко мне. — Одевайся. Мы едем.

— Нет! — Я рванулась к двери. — Я не поеду! Я не согласна! Я...

Он перехватил меня. Схватил. Прижал к стене. Сильно. Так, что я вскрикнула. Спиной к стене. Он навис. Лицо близко. Злое. С ненавистью. С чем-то таким, от чего у меня внутри всё оборвалось.

— Мне плевать, — сказал он. Тихо. Опасный. — Мне плевать, больно тебе или нет. Мне плевать, что ты чувствуешь. Ты не доберёшься домой живой, если не согласишься. Ты понимаешь меня? Ты. Не. Доберёшься. Домой. Живой.

Я смотрела в его глаза. И видела — он не шутит. Он сделает. Он правда сделает.

Я заплакала. Сильнее. Слезы текли. Я не вытирала. Не могла. Руки прижаты к стене.

— Хорошо, — прошептала я. — Хорошо. Я согласна.

Он отстранился. Медленно. Посмотрел на меня. Долго. Потом кивнул.

— Умница.

Он пошёл к двери. Открыл. Замок щёлкнул.

— Выходи. Машина внизу.

Я вышла. Ноги ватные. Голова пустая. Коридор. Пустой. Тихий. Я шла. Он сзади. Я чувствовала его взгляд. Спиной. Шеей. Затылком.

И тут я увидела — лифт. Двери открыты. Пусто. Если добежать. Если успеть. Если...

Я рванула. Вперёд. К лифту. Быстро. Насколько могла. Сердце колотилось. Шаги. Я слышала его шаги сзади. Но я уже у лифта. Уже почти.

Чья-то рука схватила меня за локоть. Сильно. Резко. Я вскрикнула. Обернулась. Охранник. В чёрной форме. Второй — с другой стороны. Они держали меня. Крепко. Так, что я не могла двинуться.

— Отпустите! — крикнула я. — Отпустите меня! Помогите!

Никто не помог. Коридор был пустой. Только охранники. И он. Сзади. Я не видела его. Но чувствовала.

Они потащили меня. К лестнице. Вниз. Я упиралась. Кричала. Пыталась вырваться. Бесполезно. Они были сильнее. Намного сильнее.

Вытащили на улицу. Машина. Чёрная. Дорогая. Дверь открыта. Они затолкали меня внутрь. На заднее сиденье. Я упала. Больно. Локтем. Плечом. Дверь захлопнулась. Щелкнул

замок.

Я сидела. В машине с водителем, смотрела в окно. Охранники стояли снаружи. Ждали.

Он вышел через минуту, сел рядом.

Поехали.